

106. КИГАЧЕВ НИКИФОР ВАСИЛЬЕВИЧ, родился в 1896 году в дер. Тубозеро, Рындозерского сельсовета Пудожского района в семье бедняка. Мать ходила просить. А отец имел ружье и сапоги шил, а часто, говорит: «спал две ночи и день и выстать было лень». Была плохая хатка, а земли не было совсем. Дедко тоже просить ходил. Василия Данильевича (отца сказителя) приняла в дом Ирина Ивановна Кирьянова, но у тестя жить не хотели и ушел опять на старое место. Родился Никифор Васильевич пятым человеком и после еще двое было. Все ходили просить или в батраках жили. Когда было ему 8 лет, отец на охоте застрелился (нечаянно выстрелил ружье), тогда уже старшая сестра вышла замуж, и осталось шесть человек детей. Мать того отдала в люди, а Никифор Васильевич ходил в школу. Учился хорошо три года, поддерживали материально соседи: «Пойдешь в школу, кусочек дают, и обратно пойдешь, ужином накормят». Потом семь лет был в батраках и пас коров. Один брат был дома. Вместе старались заиметь какое-либо хозяйство. Земли взяли у соседей, которые вымерли, купили корову, но через несколько время корову угнали за подати. Был жеребенок, но того медведь съел. «И потом с четырнадцати лет по восемнадцать все, как купим лошаденку, медведь опять съест».

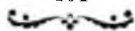
Кигачев Никифор Васильевич

В 1915 году был призван на войну. В 1916 году был ранен и освобожден. В 1917 году женился. И стали жить. Стали заниматься рыбной ловлей, и были тогда уже две коровы и лошадь. В 1918 году брат ушел добровольцем в Красную Армию и не вернулся обратно. С 1905 года жили в маленькой, купленной за 6 рублей, хибарочке, и в прошлом году купил большой хороший дом (1700 рублей), продал корову и кой-что. В колхоз вступил в 1938 году. «Колхоз не рыбацкий, а я любил ловить рыбу». Сейчас семья восемь человек: жена и шестеро детей. Один в Красной Армии первый год, второй в Ухтинском районе работает, остальные дома — трое детей до восьми лет и один окончил четыре класса, работает в колхозе.

Зап. в феврале 1939 г. Е. Родина. — АКНЦ 122/24. Л. 224.

106а. Кигачев Никифор Васильевич родился в 1896 году. Отец был бедняк, с малых лет батрачил и своего дома не имел. Когда ему двадцать семь лет было, задумал «замуж выйти», так как своего дома не было, то женился в приемыши. Но ему не хотелось на чужих людей работать, он от них откололся и был выброшен вместе с матерью. Мать с двадцати пяти лет пошла просить. И так он всю жизнь не имел ни скота, ни лошади, ни коровы. Только было хозяйство собака, кошка да ружье. В 1905 году отец от нечаянного выстрела на охоте умер. Я остался восьми лет и еще детей было. В школе учился три зимы на иждивении соседей. Пойдешь в школу, кусочек выпросишь, с ним и идешь. Семь лет был я в пастухах, семь зим в батраках. В 1915 году был взят в германскую войну. В 1916 году был ранен и отпущен на поправку на три месяца. Через три месяца совсем отпустили, так как негоден стал. В начале семнадцатого года поженился и стал заводить свое хозяйство вместе с братом. Мы жили с ним заодно: один в пастухах, другой на домашней работе. Так мы и обзавелись своим хозяйством.

Настала гражданская война, брат пошел добровольцем в Красную Армию. Я тоже был мобилизован в Ленинград, но вернулся после врачебной комиссии. Дома уже

земля запустошилась, но все-таки землю я разделал и принялся снова работать. Полюбил рыбную ловлю, от которой мне был большой доход. По инвалидности на фронт меня не брали. Наша деревня была между фронтами, приходилось скрываться от белых, потому что у них мои соседи были, которые знали, что брат мой у красных.

Ну потом, как кончилось всё, жил, рыбачил. У меня шесть детей, седьмого жду. Один сын в Красной Армии, второй сын в трактористах. В колхоз я вступил только в 1937 году, потому что колхоз был не рыболовецкий, а я рыбак. Сейчас колхоз тоже не рыболовецкий, но я с ним договор заключил, снабжаю весь колхоз рыбой.

Старых былин я знаю тридцать шесть, новых четыре сложил: «О герое Зырянине», «Разгром Деникина», «О Кирове», «О Красной Армии».

Сказок много знаю, им числа не знаю. Исторических песен знаю двенадцать, простых песен очень много. Часть былин вычитал из книги «Народная поэзия», остальные от стариков перенял, сказки тоже. Любил читать, книги брал у коробейников. Отец тоже сказывал сказки и былины спевал. Былины сказываю, а пою мало. Новую былинку о Сталине на женском празднике сказывал. Одну старую былинку сам придумал. Сосед рассказал сказку, а я из неё былинку сделал. Сын у Ильи Муромца есть, а откуда взялся, про то былины нет. Я и придумал былинку «Женитьба Ильи Муромца». Еще одну сложил про то, как поляки в Москву приходили, хотели завладеть после самозванца. Знаю песни «О Гришке Расстриге», «О Ермаке», «О Степане Разине». Эти из книги перенял.

Зап. в мае 1939 г. Г. Н. Парилова. — АКНЦ 122/24. Л. 215—223 (автограф), л. 232—233 (м/п копия); опубл. в кн.: Парилова, Соймонов. С. 332—333.

1066. Кигачев Никифор Васильевич. Автобиография. «При отце жили бедно. Отец был, не знаю, как назвать, лодырь. Мать ходила просить, двадцати четырех годов было пойдено у матери просить. Как бедно жили, дак отношения в деревне не хороши были. Отец знал сказок много, но я еще маленький был. Как было восемь лет, так он застрелился. Сказки учил из книг, да в деревни как не было никакой роскоши, да как соберемся, дак талько и забавы, что карты да сказки. Книги любил читать, в школе была библиотека, и потом покупал, коробейники торговали книжками. Нас было два брата, вот мы жили зимой в батраках, летом в пастухах. На службу взят я был молодым, надо было призываться в 1917 году, а нас взяли в 1915 году. Обучались в Красном селе, ученье тогда было строго, обучали всего два месяца, потом отправили на фронт. На фронте были в Вилинской губернии, пришлось там быть в самую зиму. Многие товарищи даже замерзли, ноги отмораживали, руки. Сама плоха служба была, ходить в заставу. Сменялись два раза в сутки, стоять приходилось двенадцать часов, а придешь с заставы, привезут хлеб мерзлый, да тут пока хлеб штыками ворочаешь, да в очередь стоять, да винтовку вычистить надо и отдыхать некогда, и опять в дежурство, и так семь суток стоишь, так глаза трешь снегом кое-как. Ну, и потом в окопы посылали — там лучше. В феврале на отдых в деревню отправили, ну, а отдых был, что каторга, — там же. Днем на занятии был — обучали, а ночью ходили за лесом для заграждений. Подумать надо: лес государственный и служба государственная, а воровать надо было. Потом ушли на фронт на низкое место, там не было окопов, две недели работали, на снегу спали. Раскладешь огонечек, да так и спишь. Но, а потом пятого марта получили приказ наступать. Наступать пошли в двенадцать часов дня, и вот нас с роты осталось всего четырнадцать человек, остальных всех покосили, было двести пятьдесят человек. Того дня мы не пошли взять окопов, отдохнули и ночью двинулись.

Четырнадцать человек наших присоединились к шестнадцатой роты, первая и вторая роты уничтожены были. И вот тут ночью меня ранило в руку. В лазарете лежал в городе Твери. Лазарет был вольный, так что тут хорошо было. В военных там плохо было. С лазарета спустили домой на три месяца, а после трех месяцев освободили совсем. Ну вот, я на военную службу был негоден, то начал развивать сельское хозяйство. В начале 1917 года женился, стал разделять участок, любил чистить пожни, с покос камения увозил, но и полюбил еще рыбную ловлю, от которой получал большой доход. Во время гражданской войны только в Ленинград был свожений, там два месяца был, а потом отпустили по ранению.

Плоховато тут положение было во время фронта. Наша деревня была меж фронтами, приходилось быть все насторожё. В белой армии были соседи, и ими начато было увезти нас. От них-то все хотели мы убратся, как идет разведка, так куда-нибудь прячешься. Брат погиб в Красной Армии. Земли у нас хватало, стали мы налаживать хозяйство.

В колхоз вступил в 1937 году. Сначала не поступал, председателем колхоза был белый. Были и заявления поданы, а там шайка сидела, так ничего не делали. А когда записались в колхоз, на собрании говорят: «записывайтесь в колхоз», а придут на дом и говорят: «не записывайтесь». Мы говорим на собрании: «а так лучше будет жить». Потом их раскрыли и были присуждены к расстрелу, а потом не знаю, что и где. И сейчас в колхозе еще неважно. В этот год денег должны остались, ячменя получили на 600 трудодней тридцать килограмм, гороху — двадцать четыре килограмма, пшеницы — тридцать килограмм и ржи, не знаю, восемьсот-семьсот грамм на трудодень. Тракторов еще нет.

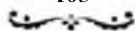
Сейчас сказки еще иногда рассказываю, кто любитель слушать, большинство вечером, молодые не очень любят слушать. Дети любят послушать».

Зап. в 1939 году Е. Родина. — АКНЦ 122/24. Л. 229—231 (м/п подлинник), л. 225—228 (м/п копии).

106в. <Из отчёта М. М. Михайлова о поездке для записи былин и причитаний>: «Кигачев Никифор Васильевич, дер. Тубозеро, Рындозерского сельсовета, 42 г., колхозник, грамотный (три класса сельской школы), потомственный батрак (отец был батраком, сам батрачил семь лет). Начинает обживаться только в последнее время. Несмотря на это, Кигачев настроен не вполне советски (недооценка колхозов, некоторых госмероприятий и т. д.). При дальнейшей работе с ним надо учесть наличие таких настроений. Знает двадцать четыре былины, несколько исторических песен, баллад, около двадцати сказок и др. Былины переняты им или через устную традицию, или из старых изданий былин (изорванную книгу былин, примерно издания двадцатых годов, он мне показывал). Подробная биография его мною не записана, так как мною записаны от него семь былин из общего количества двадцати четырех былин».

Зап. в июле 1938 г. М. М. Михайлов. — АКНЦ Ф. 1. Оп. 39. № 2. Л. 28 (автограф), л. 26 (м/п копия).

106г. <Из отчёта В. Р. Дмитриченко о поездке для записи былин в Пудожском районе>: «В Тубозере Рындозерского сельсовета у Кигачева Никифора Васильевича записал девятнадцать былин (остальные семь записал до меня М. Михайлов). <...> Молодым Никифор Васильевич читал эти былины в книжке „Живая старина“ и запомнил их, так как обладает хорошей памятью. Встречаясь с другими сказителями

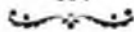

былин, он заимствовал, по его словам, кое-что от них. Певцов былин ему не приходилось встречать, поэтому петь былины не умеет. Человек он грамотный и, обладая хорошей памятью, помнит многое из прочитанного. Читать любил, книжки были чаще всего по русской истории, затем сказки и отдельные произведения русских писателей. „Пушкин умел так клейно писать, как никто, мне больше всего нравится“, — говорит он. Очень пытлив и, сказывая былину, часто спрашивает, есть ли такая Пучай-река, Фавор-гора, был ли такой богатырь как Илья Муромец и многое другое. Очень веселый, всегда поет. Знает несколько исторических песен — про Ермака, Разина, Грозного, знает просто песни (любовные и другие) и сказки. Песни сочиняет сам, чаще всего изменяя какую-нибудь песню на новый лад, на темы о себе и местной жизни. Хочет сочинять (и может) о наших вождях, о героических событиях (песни, былины) наших дней, но нуждается в книгах, где бы об этом просто и толково было написано, просил помочь ему достать такие книги: о вождях, о гражданской войне и др.»

Зап. в августе 1938 г. В. Р. Дмитриченко. — АКНЦФ. 1. Оп. 39. № 2. Л. 90, 91 (автограф), л. 76, 78—79, 82—83, 88, 100 (м/п копии).

106д. <Из статьи Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова «Сказители Пудожского края»>: «Самым молодым среди наших сказителей является Никифор Васильевич Кигачев. Он невысокого роста, коренастый, у него простое русское лицо, голубые глаза, коротко подстриженные бородка и усики; волос на голове почти нет, и поэтому сразу бросается в глаза высокий открытый лоб с немногими, но резко обозначенными морщинами. В деревне он слывет за человека веселого, озорного. Для своего круга Кигачев очень развит, обладает незаурядным умом, любознателен. Довольно начитан, любит побеседовать о мироздании, об истории, о географии и, вообще, о чем угодно. О любознательности Кигачева говорит такой факт. Когда-то он много читал „божественных“ книг и вот однажды начал размышлять о том, мог ли библейский Ной поместить в одном ковчеге „всех тварей по паре“. Обратившись за разъяснениями к попу, Кигачев долго рассуждал и спорил с ним. Дело кончилось тем, что священник отлучил его от церкви. Это было еще до революции. Никифор Васильевич рассказывает, что после этого он окончательно перестал верить в Бога; сомнения же относительно Ноева ковчега возникли у него, как у хорошего рыбака и охотника, который знает, что „всех тварей не уместить в одно место“.

Как носитель былинного эпоса Кигачев представляет собой исключительно интересного человека и явление в высшей степени своеобразное. Подобно Ремизову, он склонен к импровизации, но характер его импровизации иной, связанный с его знанием былинного эпоса. Однажды к Кигачеву приехал один из собирателей; сели ужинать, и вот, когда приезжий стал благодарить за угощение, сказитель также стал, поклонился и, отвечая ему, начал былинным слогом: „Алексей да свет Димитриевич, благодарствуем, что пожаловал“ и т. д., и он тут же составил своеобразную былину, рассказывая о приехавшем госте и о себе, о своей семье. Известно, что Кигачев даже письма к жене писал былинным стихом. Подобная импровизация дается ему очень легко. С большой охотой он переложит в былину любую сказку. Он так и говорит: „Могу сказкой рассказать, могу на былину переделать“. Это сближает его с Сорокиным, из современных сказителей — с Марфой Крюковой. Однако свои импровизационные склонности Кигачев удерживает сознательно в известных рамках. В свои былины он вносит лишь такие изменения, которые он находит нужным; эти изменения, если имеется традиционный сюжет, являются лишь перегруппировкой

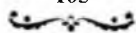

отдельных мотивов из других былин. <...> Он допускает изменение варианта только в отношении композиции. Если же и дает несколько новых стихов, то только для того, чтобы сгладить допущенную им перестановку эпизодов из одной былины в другую. Чаще всего он делает такую перестановку, не добавляя ни одного стиха от себя. Таким образом, Кигачев, подобно Фофанову, в традиционных былинах придерживается известного ему текста в его словесной редакции. Вместе с тем Никифор Васильевич является создателем ряда новых, современных былин: „О разгроме Деникина“, „О бойце Зырянове“, „О Кирове“ и др. И здесь он не только помнит их, но и сохраняет раз принятую редакцию. Кигачев четко разграничивает то, что создано им экспромтом, для забавы окружающих, и то, над чем он, по его выражению, „поработал“. Кигачев приезжает иногда в Институт, живет в одной из комнат, и действительно с утра до вечера его можно видеть склонившимся над бумагой. Он пишет, стараясь аккуратно выводить каждую букву и экономя каждый клочок бумаги. Ничего не спрашивает, ни с кем не советуется и, лишь окончив писать, приходит в Фольклорную секцию, и уже тогда от него не отступишься. Он будет ходить всюду, ждать сколько угодно, лишь бы его выслушали. Критические замечания не обижают его; прочитав новое свое произведение нескольким лицам, сказитель создает себе определенное впечатление на основе их замечаний и снова работает над текстом. После исправлений Кигачев обычно приходит к заведующему архивом и заявляет: „Мне копию отпечатайте“, а, получив её, заучивает былинку и потом уже в любое время споет или расскажет слово в слово.

Первая из составленных им новых былин („О бойце Зырянове“) была прислана в письме, причем меньше всего мы ждали этого от Кигачева, который неохотно согласился передать даже известные ему старые былины. Былинку „О бойце Зырянове“ он сложил, побуждаемый соревнованием, после того как узнал, что некоторые сказители составляют новые былины. Ему тоже захотелось выступить с новым произведением.

Исключительной особенностью огромного репертуара Кигачева (от него записано 39 былин) является то, что подавляющее большинство их, за исключением лишь некоторых, печатаемых в настоящем сборнике, он переучил, а в отдельных случаях просто заучил по книге. Исполняя эти былины, он почти не изменяет текст и часто повторяет его дословно. Однако и с этой стороны Кигачев не является просто исполнителем заученных текстов, не представляющих никакого интереса для исследователя. Переучивание былин по книге является, по существу, лишь одним из моментов развития художественного дарования и исполнительского мастерства этого интересного сказителя. Многие былины Никифор Васильевич слышал сначала от отца, затем на мельнице от съезжавшихся туда крестьян, но петь „стеснялся перед стариками и орал в лесу“, когда пас коров. Следовательно, он знал их и из устной традиции и, если бы записи были сделаны в то время, — его варианты представляли бы не меньший интерес, чем тексты любого сказителя. Затем он переучил их по книге, думая, что так будет лучше, поскольку интерес к книгам и уважение к печатному слову у него очень велики. Сам Кигачев не скрывал этого обстоятельства, гордясь своим знанием книги, удалось даже найти её (А. В. Оксенов „Народная поэзия“ СПб., 1898 г.). Есть основание полагать, что Кигачев не остановится на данном этапе своего знания былин. <...> Опыты самостоятельного творчества Кигачева в области старого эпоса уже имеются. Им составлена новая былина „Женитьба Ильи Муромца“; пробовал он также сложить былинку „Взятие Новгорода“. <...> „Женитьба Ильи Муромца“ и, отчасти, „Рахта Рагнозерский“ дают представление о самостоятельной творческой работе Кигачева. В обоих случаях он отталкивается от эпической традиции, использует отдельные мотивы

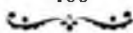
сказок и преданий. <...> Обработка Кигачевым преданий представляет большой интерес, т. е. раскрывает перед нами творческую лабораторию сказителя. Из других былин следует отметить такие редкие сюжеты, как „Иван Гостиный сын“ (состязание конями) и „Горден Блудович“. <...> Известная самостоятельность проявлена и в былине о Потыке <...>. Таким образом, для этого сказителя былина не является чем-то раз и навсегда сложившимся, для него необязательно только запомнить текст и передать в том же виде. Перенимаемый им из устной традиции материал он komponует по-своему.

Исполняя былины, Кигачев в отличие от Пашковой и Фофанова спешит, иногда даже путает имена, содержание; ему надоедает монотонно тянуть каждый стих, кажется скучным, ненужным. При первом знакомстве он заявил, что петь не умеет, но однажды, когда мы были в Тубозере, нам удалось услышать, как Кигачев пел былинку, возвращаясь на лодке после рыбной ловли домой. Впечатление было самое необычайное: за озером угасал закат, все окружающее приняло какие-то причудливые сказочные формы, лодочник грустно, протяжно пел что-то о стольном городе Киеве. Терялось представление о времени, невольно возникал вопрос: в каком веке мы живем, не из града ли Китежа этот лодочник? Но вот лодка приблизилась к берегу, певец умолк. Как ни странно, он категорически отказался повторять только что спетую былинку. Правда, тогда еще Кигачев вообще сторонился приезжих и с неохотой исполнял былины. Потом удалось установить, что он не имеет постоянного напева, каждый раз подбирает новый мотив и, вообще, поет очень редко, обычно рассказывает былины. Однажды он заметил: „Скучно тянуть былинку, лучше рассказывать“. Но и рассказывая, он торопится поскорее передать содержание, поэтому некоторые из его вариантов довольно прозаичны. Прозаичны и некоторые из его былин, посвященные нашей современности. Основным их недостатком является точное следование за фактами, отсутствие творческого вымысла, образности. <...> Но в каждой новой былине чувствуется творческий рост Кигачева; он быстро понимает свои недостатки и стремится преодолеть их. Своего рода документальность новых произведений Кигачева объясняется также и тем, что он не любит их, как говорит Пашкова, „раскрывать“ <...>.

Парилова, Соймонов. С. 34—38.

106е. Кигачев приводит все основные сведения о себе в автобиографии, рассказанной, правда, сжато и довольно сухо. Жизнь его до революции была очень тяжелой, он принадлежал к числу беднейших крестьян, был батраком. Теперь Кигачев живет хорошо, занимается преимущественно рыбной ловлей, имеет свой дом, который купил несколько лет назад в родной деревне Тубозеро Рындозерского сельсовета. Никифор Васильевич обладает громадным репертуаром. Помимо былин и исторических песен, он знает духовные стихи, сказки, лирические песни, пословицы, поговорки, а вместе с этим составляет и новые произведения. Коллекция его материалов в Архиве постоянно пополняется. К настоящему времени в этой коллекции <...> находится 39 былин и исторических песен, 5 сказок, 11 лирических песен и 6 новых произведений, составленных самим сказителем. Из общего числа записанных от Кигачева былин в сборник («Былины Пудожского края») вошли те, которые имеют устные источники. Большая же часть текстов, в количестве 30, переучена или просто заучена им по хрестоматии Оксенова «Народная поэзия», СПб., 1898 г. Детальный разбор его был бы слишком преждевременным, поскольку необходимым количеством наблюдений над исполнением Кигачевым этих былин мы еще не располагаем. Далеко не исчерпан и репертуар его.

Парилова, Соймонов. С. 488 (из примечаний).

106ж. Совсем другой тип сказителя <в отличие от А. М. Пашковой и И. Т. Фофанова> представляет Н. В. Кигачев, смысленный и грамотный человек. Он многие былины выучил по книге и при помощи книги сумел расширить свой репертуар. И это не единственный случай, когда источником былинного сказительства у современного певца является книга.

Базанов. 1947. С. 83.

106з. Никифор Васильевич Кигачев известен прежде всего как знаток былин. От него было записано 39 текстов <...>, часть былин им усвоена по литературным источникам. Знает духовные стихи, лирические песни, пословицы, поговорки, сказки. В архиве Карельского филиала АН СССР сохранилось шесть его сказок, записанных в 1940 г.

Разумова, Сенькина. С. 302.

106и. <«Комментарий» Н. В. Кигачева к сочиненному им сказу «О Тубозерском колхозе»>: «О коне Ваське я здесь пишу правильно, как с ним в нашем колхозе происходило; пока я у вас был в Петрозаводске, то он действительно пал с голоду, и другая кобылица (кличка — „Ключка“). Но быют так лошадей и во всех колхозах. О свиные (кличка — „Машка“) тоже пишу правильно. Ухаживала за ней свинарка, бывшая кулачка и жена того мужа, который добровольно перебежал от красных и белых. Он же и заездил, и истощил кобылку („Верку“), которая обортировавшись на дороге между Перхнаволоком и Войнаволоком на Онежском озере. И он это хотел все скрыть, но узнали, но не был он представлен к ответственности. Другая кобылка („Малька“) была дана колхознику Петру С. Кирьянову, который два раза на ней ездил в лес за дровами, очень её перегрузил большими возами, которая зараз же обортировавшись и через три дня пала, тоже ответственности не нес; таких случаев много было, поэтому я и называю животных беззащитных. Об коровах действительно коровницы заботились, ухаживали хорошо, также и за телятами, но заведующая МТО растратила масла 37 килограмм, и правление колхоза постановило так, что не жирно молоко, тоже не несла ответственности. Это было в 1939 году, в 1940 году телятницу выбрали заведующей МТО. Новая заведующая от тех же коров масло сдала полностью, так что это 37 кг, с моей стороны, хищение. Буду ждать вашего ответа. (Рецензии и копии, если считаете нужным или этим интересуетесь, буду писать, а то нет). 1941 год, 13 апреля. Н. Кигачев».

АКНЦ 10/37. Л. 13 (автограф).

106к. <Из статьи «Мастера народного искусства» в газете «Красная Карелия» от 6 июня 1939 г.>: «Кое-где еще сохранилось унтер-пришибеевское отношение к сказителям. Сказителя Н. В. Кигачева (Пудожский район) председатель колхоза не отпустил на совещание в Петрозаводск, а местный красноуголец советовал ему „вообще не заниматься этим делом“. Райкомы партии, райисполкомы, сельсоветы <...> должны окружить каждого народного сказителя подлинно большевистской заботой».

АКНЦ Р. Х. Оп. 4. № 18. Л. 7.

106л. <О сказителе Кигачеве — из беседы собирателей с Егором Макаровичем Тимониным из дер. Авдеево Авдеевского сельсовета>: «Вечером мы сидели за столом, пили чай и говорили о тех, которые умеют петь старины. Спросили: „Не слышали о Кигачеве с Тубозера?“ Егор Макарович покачал головой и сказал, что о нем не стоит и говорить, ведь он с чертями знается, так, дескать, все говорят.

— Ведь он кто — рыбак?
— Рыбак, ответили ...
— И поди рыбку-то хорошо ловит?
— Очень хорошо. Вот и, знать, с чертями водится. Уж кто с лесом знаком, тому удача.

Это своеобразное поверье имеет какое-то определенное бытование, если даже в Авдеево можно услышать об этом.

Когда я первый раз был у Кигачева, он сам как-то неопределенно намекал, что местные крестьяне относятся к нему как-то по особому и даже сторонятся его. Тогда, правда, я не обратил внимания на это обстоятельство, зато теперь оно стало вполне ясным. Кигачев явно имел в виду то, что среди крестьян о нем говорят как о человеке, знающемся с „нечистым“. Что касается рыбной ловли, то действительно, у него лов всегда удачный, видимо, ему одному известны хорошие места на озере, о которых он никому не говорит. Также говорят о Кигачеве и в д. Тубе».

Зап. в июле 1940 г. в д. Авдеево В. Р. Дмитриченко. — АКНЦ 8/103.

106м. <О Н. В. Кигачеве из рассказа Пелагеи Васильевны Панковой>: «В их деревне жил сказитель Кигачев, которого арестовали за сочинение песен против колхозов. „Микеша не по путному продергивал колхозы. Ездил в Петрозаводск, пел там старины с Иваном Терентьевичем Фофановым, а когда из Петрозаводска вернулся, его и забрали. Жена перед бедой вела себя, как сумасшедшая, — „веселый“ в ж... копнул. „Хожу, — говорит, — то ли на земли, то ли на води“. Ему сразу срок дали справляться небольшой, он собрался. А он грамотный был, ночи-ночами у него огонь прогарывал, все писал; хотел Дуню Барышеву, председателя колхоза, засадить, да и сам сел. Вот Иван Терентьевич — тот по путному складывал“».

Зап. в сентябре 1961 г. в д. Мелентьево Авдеевского сельсовета Л. Житкова, Л. Седова. — АКНЦ 21/33.

106н. <О Н. В. Кигачеве из разговора с Офимьей Ивановной Фофановой из дер. Авдеево Авдеевского сельсовета>: «Кигачев съездил с Фофановым Иваном Терентьевичем в Москву, приехал домой, его забрали, неизвестно, где умер».

Зап. в 1980 г. в д. Авдеево В. П. Кузнецова. — АКНЦ 144/145. С. 12 (дневник).

107. КОЗИНА АННА НИКОЛАЕВНА, 58 лет, из дер. Алексеево Авдеевского сельсовета, неграмотная, подголосница. Сын пошел на действительную <службу> в 1940 году. Затем пошел на фронт. Ранен. Писал письма. Раненый лежал семь суток на поле боя, был подобран и отправлен в госпиталь в г. Киров. Сейчас работает на Беломорнаканале.

Зап. в 1945 г. в д. Алексеево А. П. Разумова. — АКНЦ 16/40.

108. КОЗИНА ЕФИМИЯ (ЕФИМЬЯ, ОФИМЬЯ) ИВАНОВНА, 58 лет, из дер. Алексеево Авдеевского сельсовета, неграмотная. Выросла сиротой. Ходила по людям, просила куски и кормила престарелого отца. Два сына в Красной Армии. Василий — врач <служит> в Германии. Младший сын — Александр Федорович с 1923 года, был в партизанах в Карелии, погиб в боях в Сегозерском районе.

Зап. в 1945 г. в д. Алексеево В. Г. Базанов. — АКНЦ 16/53 (см. также № 160а).

